

ЕВГЕНИЯ ШЕБОЛКИНА (Сыктывкар)

КАТЕГОРИЯ ВИДА В КОМИ ЯЗЫКЕ

Касаясь вопроса о состоянии теории грамматических категорий коми глагола, необходимо отметить, что старая научная парадигма, ориентированная на передачу концептуального содержания глагольных категорий вида, залога, наклонения, времени, обнаруживает признаки кризиса.

Кризис этот обусловлен, во-первых, тем, что соотношение философского базиса и методов анализа в исследованиях предшествующих авторов (ограничивающихся 1950—1960-ми годами) носило отнюдь не симметричный характер. При верной диалектико-материалистической философской базе — явное несовершенство лингвистических методов и недостаточная степень разработки принципов общенаучного диалектического метода познания и общей теории отражения. Во-вторых, сочетание таких факторов, как механическое перенесение концептов русского языка на коми, неумелое применение индоевропейского понятийного аппарата, описательность предпринятых изысканий, помешало созданию адекватной картины состояния и сущности этих категорий в коми языке.

Кроме того, постоянное накопление научных знаний в сфере лингвистики вынуждает пересматривать с целью коррекции полученные ранее результаты. К примеру, признание и учет объективного существования различных уровней мыслительно-языковой абстракции в последних исследованиях аспектологов привели к фиксации меры соотношения языка и мышления в видовом фрагменте и созданию качественно иной картины генезиса и сущности категории вида, концептуальной осью которого является сигнификативная (понятийная) семантика процесса интерпретации того или иного явления объективной действительности, именуемого действием (Степанов 1976; 1977; Бондарко 1990). Существующие в коми языкознании концепции формально-содержательного статуса категории вида (Кипрушева 1947; Сидоров 1952; Серебренников 1960) носят описательный характер, в них доминирует анализ языковых фактов по принципу от формы к значению, в терминах денотативной семантики, что не позволяет считать их соответствующими реальному положению вещей в коми языке.

Исследование глагольных грамматических категорий, в том числе и категории вида, входит в плоскость гносеологической триады «реальная действительность — мышление — язык», проблема языкового моделирования мира в этом аспекте становится особенно актуальной и предопределяет использование в лингвистическом исследовании в качестве стрелковых кон-

цептов референта, денотата, сигнификата (Степанов 1976; 1977; Уфимцева 1980; 1986).

Семантика вида ориентирована на интерпретацию действия, на конкретизацию понятия отношения, состояния, процесса. Интерпретация не может и не должна прямо и непосредственно отражать все свойства реальных действий, сигнификативная семантика вида как раз и заключается в фиксации наиболее обобщенных и отвлеченных понятийных признаков, отображающих существенно-содержательные свойства устанавливаемого в бытии предмета. Определение аспекта как «демонстрирующего внутреннюю структуру ситуации» (Comrie 1976 : 8) четко обозначает сигнификативную сторону вида, субъективно-интерпретационный его стержень. Общим для видов разноструктурных языков является то, что они участвуют в выражении процесса действия, и, следовательно, участвуют в процессе предикации. Как предикат раскрывает содержание субъекта суждения, так видовая характеристика, входящая в состав предиката, играет в этом процессе свою роль.

Мыслительное членение и категоризация отражаемых событий и последующая манифестация мыслительного содержания отнюдь не идентичны во всех языках, поэтому необходимо учитывать устройство языков, их семантические доминанты, их структуру, тем или иным образом ориентированную на передачу одних и тех же смысловых заданий, поскольку все эти факторы влияют на форму и содержание видовой дистрибуции в разноструктурных языках. По мнению А. А. Потебни, система видов должна быть не описанием, а историей их происхождения (1941 : 27). Диахронический аспект анализа во многом проясняет картину установившейся системы видовых форм.

В коми языке в акте предикации могут участвовать и вневидовые глаголы, однако чаще всего глаголы все же «принимают» видовую характеристику, данное обстоятельство свидетельствует о том, что видовая система коми языка не покрывает все глаголы в виде оппозиций форм, а имеет несколько иное содержание. В то время как видовое противопоставление совершенного и несовершенного видов, например, охватывает все глаголы русского языка.

Развитие поля аспектуальности в коми языке можно реконструировать следующим образом: выражение способов действия < выражение способов представления действия. Первоначально значение деривационных суффиксов глаголов находилось в очень тесной связи с лексическим значением глагольных основ и было ориентировано на их уточнение и конкретизацию. Ю. С. Степанов (1976) справедливо отмечает, что собственно виды появляются тогда, когда система языка предоставляет говорящему возможность представить любое действие либо как ограниченное каким-либо пределом, либо как неограниченное, и следовательно, свободу субъективно характеризовать объективное действие.

А поскольку в референте существуют ситуации реального предела, завершения, окончания какого-либо действия (исчезнуть, рассыпаться, умереть), понятие внешнего предела перерабатывается мышлением в абстракцию предела внутреннего, что и предоставляет говорящему возможность установления внутренних пределов разного порядка в представлении любых действий. То есть в мышлении эволюционирует само понятие предела, происходит отвлечение от лексического значения, улавливается и грамматикализируется деривационная идея. При сохранении средств для передачи способов глагольного действия, система языка приобретает средства для выражения способов представления действия. Способы представления действия и способы дей-

ствия — это, безусловно, абстракции разного уровня, находящиеся в тесной связи с развитием мышления. Способы глагольного действия — классы слов с однородным значением, которое представляет собой абстракцию от денотата, виды — классы форм с однородным значением, которое представляет собой абстракцию от сигнификата.

Согласно нашей концепции, в коми языке наличествует грамматическая категория вида, парадигму которой составляют четыре ряда граммем, внутри каждого ряда можно выделить несколько способов действия, соотносимых с лексическим значением глагола и являющихся абстракцией иного чем вид порядка. К примеру, вид ограниченного предела (в традиционной терминологии уменьшительный вид, маркируемый суффиксом *-ышт*), сигнификативная семантика которого заключается в предположении внутреннего предела, выделяющего некий объем, связанный с качественной определенностью действия, имеющей основания как в реальной ситуации, так и в мысленной системе координат высказывающегося субъекта — представляет собой глобальную абстракцию, в то время как выделяемые внутри этого вида способы действия, такие как кратковременный — *сьпыштны* 'попеть некоторое время', *узыштны* 'поспать некоторое время'; партитивный — *сетыштны* 'дать некоторую небольшую часть', *вайыштны* 'принести некоторую небольшую часть'; маломерный — *лӧныштны* 'приутихнуть', *кужыштны* 'немного уметь', и другие, которым еще необходимо дать название, являют собой абстракцию совершенно иного, привязанного к глагольной лексике, более конкретного порядка.

Исследователи грамматического строя конкретных финно-угорских языков нередко включают модифицирующие глагольные суффиксы в сферу глагольного словообразования, отрицая их категоризирующий характер и существование соответствующих грамматических категорий. При этом мотивация подобного положения связана с недостаточной степенью абстрагированности видовых суффиксов, т.е. с их лексической избирательностью, невозможностью охватить большое число глаголов (Черных 1980).

Здесь необходимо отметить, что грамматическая абстракция и степень охвата потенциальных глагольных лексем — понятия разного порядка. Смысл грамматической абстракции заключается в том, чтобы обеспечивать механизм многократного применения процедуры номинации. Грамматическая абстракция коррелирует с категориальной структурой мышления. Следовательно, если за рядом семантически однородных форм обнаруживается некая структура, идея, связанная с какими-либо компонентами различных категорий мышления, то вопрос о грамматической категории должен быть рассмотрен положительно, причем объем потенциальных лексем, чье значение призваны модифицировать формальные элементы той или иной граммемы, никоим образом не определяет степень грамматической абстракции аффиксальных элементов. Спротивление лексического материала обнаруживается в реализации не только видовой парадигмы, но также, к примеру, и падежной (в принадлежности категории падежа к грамматическим категориям практически нет сомнений) в коми языке. Так, одушевленные существительные (аналогия с глаголами акустического восприятия) *морт* 'человек', *кань* 'кошка', *кага* 'ребенок' обычно никогда не ставятся в форму местного падежа: *мортын*, *каньын*, *кагаын*. Соотносительная референтная ситуация передается при помощи иных языковых средств — послелогов: *морт пытшкын* 'в человеке (внутри человека)'.¹

Поэтому, выявляя за рядом немногочисленных коми глагольных форм

(связанных, в основном, с акустическим восприятием шума) типа: *тюрöстны* 'свистнуть', *гымöбтыны* 'грохнуть', *дзурснитны* 'блеснуть', *бакöстны* 'замычать', *чилöстны* 'взвизгнуть', *гөрöктыны* 'заржать', *серöктыны* 'засмеяться', идею сигнификативного внутреннего предела, вычлняющего цельный, тождественный в своем ряду другим элемент объективно (в референте) дискретного действия, что обусловлено коммуникативной задачей, мы можем говорить о граммеме определенного вида, о грамматической категории вида в целом.

Анализируя грамматические категории, нужно идти не «от формы к значению», а «от значения к форме». Концептуальный анализ грамматической категории предполагает учет и взаимосвязь двух ее сторон — содержательной и формальной, при этом определяющей считается содержательная сторона, поскольку в реализации категориальных содержательных признаков заключена цель, предназначение грамматической категории, а необходимым средством, служащим этой цели, является определенная формальная структура.

В качестве инвариантного семантического признака категории вида в коми языке предлагается языковая манифестация категории предела, различающаяся по типу и степени абстракции в четырех видовых оппозициях, что дает возможность комбинирования частных значений категории вида в одной словоформе. В коми языке понятие внутреннего предела связано не с мысленным барьером, с достижением которого линейное действие исчерпывается (ср. рус. *сохнет* — *высохнет*), с этим значением в определенной степени согласуется лишь значение вида процесса меры в коми языке, а с такими конструктивными барьерами, которые отграничивают различные фрагменты обозначаемых сложных действий.

Каждый из четырех компонентов категории вида в коми языке обладает своим абстрактным грамматическим значением и противопоставлен другим трем как в плане содержания, так и в плане выражения. Члены грамматической категории вида в коми языке представлены не только формами одного и того же слова, но и разными словами. Любой глагол одного вида противостоит любым глаголам других видов. А в целом глаголы подчиняются видовой парадигме, находящейся на более высоком (по отношению к глагольной лексике) абстрактном уровне грамматической системы.

Видовые оппозиции в коми языке: 1) вид процесса меры; 2) вид ограниченно-го объема; 3) вид дистрибутивного предела; 4) вид темпорального предела.

1. Вид процесса меры обозначает предположение в сигнификативе такого предела, который фиксирует обретение субъектом суждения новой меры существования — новой качественно-количественной определенности. Мера указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта. Мера — более емкое понятие, чем предел, но предел конституирует меру, поскольку сбрасывание «старой» и обретение «новой» меры существования результируется имманентным выходением количества за свои пределы, когда оно соответственно изменяет качество и в конце концов качество «сходит на нет», тем самым преодолевается предел, за которым вещь обретает новую меру существования.

В грамему этого вида включаются словоформы, в состав которых входят суффиксы *-м-*, *-зь-* (*-дз-*), *-сь-*, *-т-*. Отыменные глаголы: *измыны* 'окаменеть', *коддыны* 'опьянеть', *гызыны* 'подняться (о волнах)', *буссыны* 'запылиться', *ёстыны* 'заострить'. Отглагольные формы: *овмöдны* 'поселить', *лэбзыны* 'взлететь', *бёрддыны* 'заплакать', *шырсыны* 'постричься', *чинтыны* 'убавить'.

Словообразовательное значение отыменных глаголов включает транс-

понирующее и видовое значения. И в этом нет ничего нелогичного. Для обозначения того или иного процесса, состояния, отношения говорящий может выбрать предоставляемые системой языка (узуальные) глагольную лексему (единицу системы с обобщенным лексическим значением) и суффикс (единицу системы с обобщенным грамматическим значением) и, объединив их значения, составить понятие о данной референтной ситуации и вынести о ней суждение. Говорящий может также наделить категориальным значением глагола предметное имя, параллельно оснастив его видовой субъективной характеристикой. Последнее подтверждает сложность природы и структуры процесса предикации, включающего множество логических операций, а словообразование глаголов от имен выводит нас в контекст диахронического осмысления процесса предикации, когда имя и глагол еще не были дифференцированы, а предикация осуществлялась в виде двух соположенных имен, в семантический объем которых входили понятия отношения, качества, процесса. В *няньд чорзьёма* 'хлеб очерствел' ономаσιологический признак (отсылочная часть) *чорыд* 'черствый' выбран благодаря мысленному сравнению обозначаемого с другим явлением действительности. Ономаσιологический базис (формирующая часть), суффикс вида первой оппозиции *-зь-* выбран вследствие мысленного подведения обо-значаемого под известный класс явлений (класс процесса) и мысленной интерпретации этого процесса. В понимание этого процесса входит начальное представление об одной качественно-количественной определенности обозначаемого и конечное представление об иной качественно-количественной его определенности (мере существования), а посредствуют при этом логические операции идентификации, категоризации, сравнения и т.д.

Таково значение граммы вида, выражающей процесс меры. Суффиксы этой граммы формализуют мысленный предел, за которым характеризуемая субстанция обретает иную качественно-количественную определенность, иную меру существования. Естественно, что и в бытии вещи в результате известных изменений «сбрасывают» старую и «обретают» новую меру своего существования. Однако, как отмечает Б. А. Серебrenников, свойства самих предметов никогда не определяют отношений между словами языка во всей их совокупности, потому что если бы в языке каждый раз выражалась специфика различных отношений между вещами, то язык был бы настолько перегружен деталями, что перестал бы быть удобным средством общения (1983 : 261). Поэтому такие процессуальные отношения: *морт висьмис* 'человек заболел' и *кага бёрддзис* 'ребенок заплакал' в реальной действительности друг к другу абсолютно индифферентны, мыслительная же интерпретация представляет собой крайнюю степень абстрагирования от референта, категоризацию в понятии внутреннего предела (один частный момент переработки образа мышлением) и обращение к системе языка, его формальным средствам для выражения суждения об отношениях реального мира, которые, будучи пропущены через «фильтр» мышления, представляют собой лишь слепок, схему по отношению к реально существовавшей ситуативной картине мира. Этим объясняется и подтверждается интерпретационный, сигнификативный характер категории вида.

2. Вид ограниченного объема обозначает сигнификативное установление внутренних пределов, ограничивающих некий условный объем действия, вычлeняемый из континуума общего понятия об этом действии; это то же действие, качественно определенное, конкретизированное в предикате в соответствии с референтной ситуацией, мысленной системой координат и

коммуникативными установками говорящего. В граммему этого вида входят словоформы с суффиксами *-ышт-*, *-ӧбт-*, *-ӧкт-*, *-овт-*, *-ӧст-*, *-евт-*, *-нит-*.

На уровне сигнификата значение суффикса *-ышт-* («уменьшительное» в традиционной терминологии) участвует в моделировании такой ситуации: из континуума понятия *узыны* 'спать' вычленяется некий объем *узыыштны* 'поспать (немного)', связанный с пространственно-временной определенностью этого действия субъекта, которая имеет основания в референте и в мысленной системе координат.

В аналогичном моделировании участвует значение суффикса *-ышт-* (однократное): более наглядное представление об объективно дискретном действии перерабатывается в дихотомические, диалектически противопоставленные понятия о целом, аналогичном другим фрагменте, кванте, бите дискретного действия *сьӧпыштны* 'плюнуть' и о внутренне дискретном, структурированном в пространстве-времени однородном действии *сьӧпаньны* 'плевать'. Это мыслительное содержание находит выражение в видовом оформлении отражаемого действия; будет ли выделен один акт дискретного объективного действия (в языке — глагольная лексема с суффиксом *-ышт-*) или оно будет представлено как некий внутренне организованный процесс — это зависит от референтной ситуации и от коммуникативной установки участника речевого акта. В аналогичном моделировании ситуации участвуют и остальные суффиксы данного ряда: *гымӧбтыны* 'громыхнуть', *бакӧстыны* 'промычать', *тюрӧстыны* 'свистнуть'.

3. Вид дистрибутивного предела выражает понятие о действии, структурированном на ряд рассредоточенных в пространстве-времени эквивалентных действий, обладающих в каждом конкретном акте индивидуальной субъектно-объектной или пространственно-временной направленностью. В сигнификате понятие о подобного рода референтной ситуации выражается во внутренних пределах, отделяющих один целостный фрагмент, в онтологии связанный с конкретным лицом и производимым им конкретным действием, от другого — аналогичного.

Существуют различные типы пространственно-временной и субъектно-объектной отнесенности процесса, поэтому внутри этого вида можно выделить несколько моделей:

- 1) модель характеризует соотносительность действия одного субъекта и разных объектов: *вӧралысь кынталіс ки-кок* 'охотник отморозил руки-ноги';
- 2) модель отражает наличие множественности субъектов однородного действия при направленности его на разные объекты: *челядь корсялӧны тшак* 'дети ищут грибы';
- 3) моделируется ситуация множественности субъектов действия, характеризующегося пространственно-временной рассредоточенностью: *йӧзыс мунанісны* 'люди поуходили';
- 4) модель выражает пространственно-временную рассредоточенность дискретного действия одного субъекта: *лэбач лэбалӧ* 'птица летает'.

Этот вид коррелирует с языковой категорией таксиса.

4. Вид темпорального предела выражает понятие о действии, ограниченном какими-либо временными условными рамками, при этом объем заданного «темпорала» не имеет ни малейшего отношения к градуированному, линейному, однонаправленному времени, это скорее понятие некой длительности, локализованной в мысленной системе координат. Смысловой блок — глагольная лексема плюс суффикс *-л-* — означает ограниченное в каком-либо «темпорале» целостное действие, а блок — глагольная лексема плюс

суффикс *-лывл* — ограниченное в «темпорале», но дробящееся внутри него на ряд эквивалентных актов, следовательно, дискретное действие.

Vöröd — ягöd ветлывла, рыжик ельдög вотлывла.

Тшак вотыськöd абзысьла, гусьöникön кутчысьла.

Вотчигтырйи вочасьла, эзв толыда окасьла. (В. Савин)

'Хожу по лесу — бору, собираю рыжики, грузди.

Встречаюсь с тем, кто собирает грибы.

Мы обнимаемся с ним и крепко целуемся'.

В данном контексте встречаются как словоформы с суффиксом *-лывл-*, так и соответствующие им в смысловом плане словоформы с суффиксом *-л-*. Глаголы с *-лывл-* выражают ограниченный «темпорал», состоящий из ряда последовательно-эквивалентных действий. Каждому такому подразумеваемому действию соответствует целостное действие, манифестируемое суффиксом *-л-*.

В коми языке возможно сочетание в одной глагольной словоформе всех четырех формальных показателей вида, что объясняется разными в каждом случае типами мыслительно-языковой абстракции, манифестируются которые группами формальных компонентов. А это отнюдь не препятствует их сочетанию, в конечном счете нацеленному на адекватную передачу средствами языка явлений внешнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1990, О значении видов русского глагола. — ВЯ № 4.
- Кипрушева А. И. 1947, Глагольные видовые образования в коми языке. Канд. дисс., Москва.
- Потеня А. А. 1941, Из записок по русской грамматике, т. 4, Москва—Ленинград.
- Серебрянников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
- 1983, О материалистическом подходе к явлениям языка, Москва.
- Сидоров А. С. 1952 (переизд. 1992), Синтаксические и лексико-семантические формы выражений глагольного вида в коми языке. — Избранные статьи по коми языку, Сыктывкар.
- Степанов Ю. С. 1976, Вид, залог, переходность I. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 35, № 5.
- 1977, Вид, залог, переходность II. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. 36, № 2.
- Уфимцева А. А. 1980, Семантика слова. — Аспекты семантических исследований, Москва.
- 1986, Лексическое значение, Москва.
- Черных В. А. 1980, Глагольное словообразование в коми языке. Канд. дисс., Сыктывкар.
- Comrie, B. 1976, Aspect. — An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems, Cambridge University Press.

JEVGENIJA ŠEBOLKINA (Syktyvkar)

CATEGORY OF ASPECT IN THE KOMI LANGUAGE

The article suggests a new paradigm aimed at the transference of conceptional matter of the category of aspect in the Komi language.

The conceptional axis of aspect in the Komi language appears to be the manifestation of the category of limit, which should be distinguished according to the type and degree of abstraction in four aspect oppositions: aspect of the measure process, limited volume aspect, distributive limit aspect, temporary limit aspect.

При форме прошедшего времени глагола сказуемого выражается несовершенное действие: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

Зависимое сказуемое в рассматриваемой конструкции может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').

В зависимости от типа глагола сказуемого конструкция может быть глаголом совершенного вида: *долога миты-ты жер ас-а* 'предполагается приезд автобуса' (долога миты-ты жер ас-а 'предполагается приезд автобуса').